

Пирожкова А.Н. Годы, прошедшие рядом (1932–1939) // Воспоминания о Бабеле. М., 1989.

А.Х. Курмансеитова

**ТРАДИЦИИ КУНАЧЕСТВА У ОГАЙЦЕВ
(НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ НОГАЙСКОГО ИЗДАТЕЛЯ
А. УМЕРОВА)**

Куначество — обычай, в прошлом широко распространенный на Востоке, когда мужчины, принадлежащие к разным родам, племенам или народностям, вступали в дружеские отношения и оказывали друг другу безвозмездную помощь. Слово *куначество* восходит к тюркскому слову *кунак* (гость), (ср. ногайск. 'конак' — гость). Хозяин дома, принимая кунака, не только гарантировал безопасность ему, но и обеспечивал сохранность его имущества.

О бытовании традиции куначества у ногайцев свидетельствует обширная историография. В данной статье мы рассмотрим этот обычай на примере жизни известного ногайского ученого, редактора и книгоиздателя Абдрахмана Исмаиловича Умерова (1867–1933) из рода найман. Он поддерживал обширные связи с мусульманской интеллигенцией России, общался с известными просветителями Исмаилом Гаспринским, Загиром Рамиевым, Фатихом Карими, Муссой Бигиевым и многими другими. В его доме в Астрахани останавливались гости из Поволжья, с Урала, Кавказа и других регионов России. А. Умеров, рискуя собственной жизнью, неоднократно оказывал бескорыстную помощь друзьям.

27 января 1907 г. в редакции казанской газеты «Танг Юлдуз» («Утренняя звезда») жандармы провели обыск и выявили воззвания антиправительственного содержания на татарском языке. В связи с этим редактор газеты «Танг Юлдуз» С. Рамеев «подлежал дознанию, но из Казани скрылся» [ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 2458, св. 123, л. 27]. Сагиду Рамееву удалось избежать ареста. В результате преследования департаментом жандармерии он вынужден был выехать в Астрахань, где Абдрахман Умеров принял его со-

трудником в газету «Идел» («Эдил»). На протяжении долгих лет их связывали творческие и дружеские отношения.

В 1913 г. департамент жандармерии Астраханской губернии предъявил обвинение А. Умерову, которое заключалось в том, что в его типографии работают бывший редактор антиправительственной газеты «Танг Юлдуз» С. Рамеев и «член крайней партии» А. Басыров. Об этом цензор И. Искендеров сообщал: «В типографии А. Умерова главным сотрудником состоял некто Сагит Рамеев, бывший редактор татарской революционной газеты "Тангъ" ("Заря"), издаваемой в Казани, ныне закрытой, и Абдрахим Басыров (член крайней партии)» [Там же: 3]. На основании этого доноса дело А. Умерова было передано в суд, решением суда он в 1914 г. был сослан на три года в Казань. Известный автор и издатель Абдрахман Умеров пострадал за оказание помощи С. Рамееву и А. Басырову, но традиции ногайского куначества не нарушил.

В 1920 г. тюрколог Заки Валиди Тоган, скрываясь от большевиков, был вынужден покинуть пределы РСФСР. За помощью он обратился к Абдрахману Умерову. Дружеские контакты с семьей известного тюрколога Заки Валиди Тоган А. Умеров установил в 1881–1889 гг., в период учебы в Казани в медресе «Галия» Шигабуддина Марджани.

Заки Валиди, будучи в эмиграции, вспоминал: «Во время учебы в медресе Марджани в Казани ногаец Гумеров был шакирдом (учащийся медресе) моего дяди Хабибназара; когда я был маленький, он однажды появился в нашем ауле, и они с моим дядей муллою Вали и отцом посетили все места верховья Ак-Идели и русла Яика, указанные в ногайских дастанах (эпос). С тех пор они состояли в переписке» [Тоган 1997: 50].

Спустя много лет молодой Заки Валиди был в гостях у Абдрахмана в Астрахани. В доме ногайского ученого А. Умерова гостя очень тепло встретили, угощали национальными блюдами, он посетил ногайские аулы под Астраханью. Во время второго посещения Астрахани Заки Валиди в газете «Идел», выходявшей под редакцией А. Умерова, опубликовал статьи о книге Мурада Рамзи и рукописи «аьл-Имама ва'л сиясат» Ибн Кутайба (IX в.). Заки

Валиди писал, что этими статьями «заявил о себе как об исследователе древней истории тюрок и истории ислама» [Там же].

А. Умеров информировал Заки Валиди о том, что его родословная ведет свое начало от астраханских ногайцев. Заки Валиди, исследуя историю рода Тоган, выявил материалы о древних корнях своих предков. Он писал: «Мы являемся ногайцами, присоединившимися к юмартынским башкирам, <...> совершив в 1908–1909 годы путешествие к астраханским ногайцам, мне удалось обнаружить доказательства, подтверждающие данный факт» [Тоган1998: 303].

После Октябрьской революции З.В. Тоган был вынужден скрываться от преследований карательных органов Советской власти. Он писал: «29 июня 1920 г. я бегу <...> от Ленина. Я рассчитывал добраться из Москвы через Астрахань и Баку до Ашхабада, затем вновь вернуться в Баку и там принять тайное участие в работе съезда народов Востока» [Там же: 5].

Для осуществления данного плана он обратился за помощью к А. Умерову: «Еще за две-три недели до отъезда из Москвы я послал верного человека в Астрахань к мулле Абдрахману с запиской, содержащей лишь два слова: «Бу инактыр», т.е. «верный человек». Посланец на словах объяснил состояние наших дел и успел вернуться с ответом. Мулла Абдрахман советовал найти дорогу в порту в дом человека по прозвищу “Слепой ногаец”. Тот должен был отвезти нас в Бузен в дом друга мурлы, человека по имени Гузаир» [Там же: 7]. А. Умеров организовал Заки Валиди встречу в Нижнем Поволжье, устроил его на ночлег и нашел ему проводника для выезда в Баку.

Оказание помощи опальному Заки Валиди было небезопасно, тем не менее А. Умеров выполнил свой долг *конакбая* (хозяина дома, принимавшего гостя), помог гостю покинуть пределы Российской Федерации. Дружеские связи Абдрахмана и Заки продолжились и в годы эмиграции последнего.

Заки Валиди Тоган эмигрировал в Турцию. В 1926 г. Абдрахман Умеров и муфтий Ризаэддин Фахреддин приехали в Стамбул, он их пригласил в гости. Если учесть, что все эмигранты были под контролем службы безопасности СССР, то это общение не могло

обойтись без последствий для А. Умерова. Эта встреча была последней в их жизни, так как после возвращения в Советский Союз А. Умеров был обвинен в антисоветской деятельности, арестован и сослан на строительство Беломорканала, где умер в 1933 г. в с. Малые Карелы.

После установления Советской власти в Нижнем Поволжье у А. Умерова были конфискованы его дома, типография, книжный склад, магазин с читальным залом, сад в Сеитовке. Он был вынужден арендовать квартиру в частном доме. Таким образом, у Абдрахмана отняли все личное имущество.

А. Умеров, будучи в Стамбуле в гостях у З.В. Тоган, высказал мнение об изменении общественного сознания и духовных ценностей в советском обществе: «Все уехавшие из страны вроде как умерли, а те, кто остался, забыли дружбу, пытаются приспособиться к коллективной жизни советских граждан, которые духовно разобщены так, будто разделены Великой китайской стеной» [Тоган 1997: 60].

Факты свидетельствуют о том, что тесные узы куначества между родом Тоган и Абдрахманом Умеровым длились более двадцати лет. Два поколения рода Тоган (Хабибназар, Вали и Заки) из Башкирии и Абдрахман Умеров из Астрахани всегда помогали друг другу в трудных ситуациях. Эти отношения прекратились после смерти А. Умерова.

Абдрахман Умеров, рискуя жизнью, протянул руку помощи редактору газеты «Танг Юлдуз» Сагиду Рамееву, «члену крайней партии» Абдрахиму Басырову и известному тюркологу Заки Валиди Тоган, подтвердив бытование обычая куначества у ногайцев, когда мужчины, не состоящие в кровном родстве, оказывают друг другу бескорыстную помощь.

Библиография

Тоган Заки Валиди. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997.

Тоган Заки Валиди. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Уфа, 1998. Кн. 2.

Список сокращений

ГААО — Государственный архив Астраханской области.

М.К. Мусаева

ВНУТРИСЕМЕЙНЫЙ КОНТРОЛЬ РОЖДАЕМОСТИ: ТРАДИЦИОННАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ КОНТРАЦЕПЦИИ У НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Обычаи и обряды детского цикла включают в себя широкий круг вопросов, связанных с разными сторонами семейного и общественного быта, этическими воззрениями и нормами поведения, официальной религией и пережитками древних верований, особый раздел фольклора и т.д. [Кон 1981: 3–10; Кон 1988: 6–7]. Но еще одной интимной стороне семейной жизни (прямо противоположной целям и задачам создания семьи и продолжения рода) — официально не одобряемому и негласному внутрисемейному контролю над рождаемостью — уделено недостаточно внимания. За редким исключением, эта тема практически осталась вне поля зрения дагестанских исследователей [Далгат: Л. 28; Мусаева 2006: 28]. Нами будут рассмотрены как рациональные, так и иррациональные народные средства и приемы контроля над рождаемостью по материалам, собранным у народов Дагестана. Следует оговорить: они крайне немногочисленны, однотипны у большинства народов Дагестана, проводились и применялись только женщинами, но они существовали.

К контролю над рождаемостью доступными методами, как с применением магических действий, так и с применением контрацептивных, по народным представлениям (основанным на многовековом опыте), средств, прибегали в нескольких случаях: при желании рожать с интервалом, а не ежегодно; полностью прекратить рождение детей по экономическим и иным соображениям, а также избавиться от нежелательной беременности. К рациональным приемам контрацепции прежде всего следует отнести затягивание лактационного периода. Практически все исследователи считают, что это было единственной, хотя и не очень надежной возможностью оттянуть рождение следующего ребенка.